

МЕЖА

Грачи, смотри, зачем-то прилетели
в последних числах февраля –
на Масленицу, что ли, в самом деле,
они спешили? Снежные поля
ещё вокруг. На долгие недели
река, набухнув, бросит враз петлять.
В ней облака и льдины захотели
бодать друг друга – глупые теля...

Мне видится и слышится равнина,
сбегающая споро под угор.
Капель, журчанье, пенье – заедино
всё длят и длят с зимой извечный спор.

В том гомоне своё досталось место
и мне – молчанья паузу держу,
без человека здесь куда как тесно.
Меж мной и миром чувствую между.

Она весной особенно заметна.
Её потом затянет зеленыя
сплошной завесой и туманом тлена,
и день не различить тогда от дня.

Зачем межа всем этим тварям Божьим?
Для них ли время выдумал творец?
Я безвременья выбрал бы возможность,
где облака, и льдины, и скворец...

ВОПЛОЩЕНИЕ

Без снега, скажут, что за Рождество?
И правда... Все века (по-русски – Вечность)
младенчества и снега тождество...
Ударный слог смещён, моя небрежность.

В тех створах вижу восход небес – водой...
И роженица чаёт миг свой млечный.
Нам, человекам, без любви – вредно
жизнь начинать. Будь счастлив, человечек!

Я так же был желаем! Вам – поклон!
И мы с тобой мечтаем лишь о том
двоих счастливом воплощенье нашем.

Их – Троица! Нас – двое! Полон мир.
Он весь раскрыт обнявшимся, двоим!
А снег – вода. Он сам мечтал о пашне!

* * *

Ты говоришь, что снег – пушок...
Я говорю: «На мой грешок...», –
мой грех, что в миг тот помню.
Ну, а когда метель ревёт?
Когда к сугробам ветер гнёт?
– К колоколам! И в звоны!

Поразогнать всех прежних лет
тягучую, дурную мреть
и целиной морозной
брести шаг в шаг в монастыре
с душою, что ещё во тьме,
к молитве долгой слёзной...

До этого ещё расти.
Здесь возраст жизни не в чести.
Другие здесь критерии.
И потому живём в миру,

укрывшись почти в дыру,
во деревеньку древнюю.

Здесь жили предки лет пятьсот.
Здесь вызывает всё восторг,
когда навоз отчистишь.
Вон храм вознёсся высоко.
Вон лес уводит далеко.
И эху рад, коль свистнешь!
И пусть весной зовёт земля,
и топчешь пахотой поля
не для прокорма даже!
Вот под смородину прикорм.
Вот для теплицы тачек сто.
Мужик... а труд сей тяжек.

Что там поэт благословил?
Вот этот труд? И тишь могил?
Здесь это всё осталось!

А жизнь почти ушла отсель.
Уходит жизнь... над ней – метель...
И год от году мало
снежка, который, как пушок,
пойдёт... И вспомним свой грешок:
и ты, и я, и малый...

СОН ВРЕМЕНИ

Когда бы монастырь – давно пора молиться...
Коллекция будильников молчит.
Хозяйка спит ещё. Чего им снится?
Как стрелочки секундные, ресницы
чуть-чуть дрожат. Страх времени в ночи
нашёптывает сказочки на ушко
минутной стрелке. Милая, поспи.
Куда спешить с тобою нам, подружка?
Твоё топтанье – шестерёнок дрызг
и лопотанье...

Ритм дыханьем сбит.
Коллекция будильников, как сон
о времени, скользящем в циферблатах.
Путь к «Славе», здесь одиннадцать камней,
назвать бы торным, да такая тьма,
и помнится, что незаконные, зане
не знают, обо что споткнутся. «Ма-ма!..»
Приснится же такое. «Тик-тик-так...»
И-так, и-шаг...какой ещё ишак?
Тот, что взбирался утром не спеша
к горы утученной вершине;
там виноград отборных лоз, и баш-,
и башня, и точило. Не тужите...
Нет добрых ягод, дики уродились.
Будильник – «тик», «тик-так»... не дочитал.
Но помню про волчцы и камни, тёрна лист,
что там повелевал времён считалам
и стрелками, и грузом облаков.
Дождей не будет больше в этом мире...
Страница книги притчей – колобком
всё катится: три-тридцать три-четыре.
Считаю я. Будильники – скорей!
Коллекция времён сейчас очнётся
и вздыбится, стирая след речей.
Ручьи времён. Так сладко сердце бьётся,
храня внутри, что только что обрёл.
Я ухо преклоню – а в нём, как в птице,
полёт и песня... песня и полёт.

* * *

Милая, когда друг другу снимся –
где бываем мы? В каких мирах?
Где вдвоём пытаемся укрыться
мы от тел, притихших до утра?
На постелях?
Может быть в сердцах?
В звёздах ли –
что миг сверкают в небе

промельком?
Узнать в толпе лица
невозможно...
Помним, как о хлебе,
о телах у жизни на кострах.
В вечности пока незванны гости...
Потому нам вновь домой пора.
Не в обнимку же снесут к погосту.
Да и есть запросит детвора...

Мы вернёмся через то окошко,
что влюблённо пялится в рассвет:
ты вздохнёшь глубоко в теле брошенном,
я откликнусь эхом сладким вслед.
И прижмутся – руки перевившие –
странники ночные во страстях,
видно, здесь они пока не лишние:
тела два – души две: не разнять ...
Рассмеёмся, если вспомнить выдастся
про такие странные два сна,
где при жизни души наши видятся...
днесь и дольше б
не расстаться нам.

* * *

Потому что скворцы прилетели,
умирать можно нам погодить...
Воскресенье – на этой неделе.
День за днем... всё весну оно длит.
Пусть сегодня свободой Пальмиры
он отмечен иль смертью посла...
Есть на полке от древнего Рима
сто историй про то ж... и... осла,
про козлиц... а ещё – про Явление:
где-то там, у пустынь на краю,
вечно длится одно Воскресенье.
Плачут там... и зовут... и поют...

У фонаря, как мошкара,
снегов роит испарина,
и ночи высится гора –
на миг всего подарена –
капелью, сбросившейся с крыш,
до самых дрызг, до вмятин
в снегах, до чёрных рытвин шин,
до звёздных в лужах пятен.

А ты одна за сотни верст!
Но что сегодня дали те?
Я телеграфом в тело врос
твоё – всё-сонно-тайное...
А если там меня найти
тебе судьба не выпадет,
ищи меня тогда в груди –
там стуком сердце выманит!
Иль рассмотри меня в ночи
у фонаря в испарине,
в капли голос различи –
один я в той компании.

Мильоны звуков в небесах
весной творятся каждою,
я тыщу лет пою и сам,
томим любовной жаждою.
Луны глава у фонаря
от первых дней творения,
и в звёздный вклиниваю ряд
стихо-семя-творение...